

Научная статья

УДК 81.42+821.161.1

DOI 10.17223/18137083/93/17

Флористические образы в лирике Т. Николаевой: семантико-стилистический анализ

Ирина Алексеевна Пушкарева¹

Юлия Евгеньевна Пушкарева²

¹ Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета
Новокузнецк, Россия

² Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Санкт-Петербург, Россия

¹ Irina_Pushkareva2016@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

² j.e.pushkareva2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4592-8001>

Аннотация

Представлены результаты семантико-стилистического анализа флористических образов в лирике кузбасского поэта Татьяны Николаевой (1956–2021). Материалом анализа является сборник «Где ты, потомок первого?...: драматургия любви», опубликованный в региональном издательстве (галерея «Сибирское искусство», Новокузнецк) и содержащий стихотворения разных лет. Проанализированы три функции флористических образов, являющиеся основными для идиостиля Т. Николаевой: пейзажная, психологическая и функция олицетворения.

Ключевые слова

семантико-стилистический анализ, региональная литература, Т. Николаева, флоросемантика, флористические образы

Для цитирования

Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Флористические образы в лирике Т. Николаевой: семантико-стилистический анализ // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 229–241. DOI 10.17223/18137083/93/17

© Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 229–241
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4, pp. 229–241

Floral images in the poetry of Tatiana Nikolaeva: semantic and stylistic analysis

Irina A. Pushkareva¹, Yulia E. Pushkareva²

¹ Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogy
of the Kemerovo State University
Novokuznetsk, Russian Federation

² Northwestern Management Institute
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
St. Petersburg, Russian Federation

¹ Irina_Pushkareva2016@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

² j.e.pushkareva2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4592-8001>

Abstract

This study offers a semantic-stylistic analysis of floral imagery in the poetry of Tatiana Nikolayeva (1956–2021), a poet from Novokuznetsk, thereby contributing to the understudied field of regional literature. The analysis is based on her collection “Where are you, descendant of the first?..: the drama of love,” which features poems written over several decades, from the late 1970s onward. This chronological span allows for identifying the systemic features of the poet’s mature individual style. The examination of twenty-five poems containing plant imagery reveals three primary functions: a descriptive function as a landscape detail (12 poems), a psychological function reflecting the heroine’s inner state and emotions, particularly in love contexts (8 poems), and a personification function expressing the kinship or fusion of humanity and nature (5 poems). The plant world constitutes a central element of Nikolaeva’s poetic universe, interwoven with core themes and motifs. These include: the dialogue between humans and nature (evident in the sustained correlation of a person with a tree); specific chronotopes (home vs. forest/field, city vs. nature); themes of love—including its destructive and sacrificial aspects – and death, alongside motifs of grief, acceptance, and memory; the image of one’s native land and the connection to it; and finally, motifs of loneliness, existential self-search, and the theme of creativity itself.

Keywords

semantic and stylistic analysis, regional literature, Tatiana Nikolaeva, semantics of flora, floral images

For citation

Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Floral images in the poetry of Tatiana Nikolaeva: semantic and stylistic analysis. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4, pp. 229–241. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/17

Наименования растительного мира образуют особую группу в лексической парадигматике, хранят многовековой культурный код и подвергаются эстетической трансформации в поэтическом языке. Значительное количество филологических исследований посвящено контекстуальному «приращению смыслов» у флористических образов в рамках идиостиля (см. [Эпштейн, 2007; Доманский, 2009; Ширинина, Гремячих, 2010; Борзых, 2011; Комиссарова, 2011; Налегач, 2017; Тропкина, Сурьянинова, 2018; Темаева, 2022; Сухова, 2022; Никитина, 2023] и др.).

Актуальность предпринятого филологического анализа флористических образов определяется также выбором в качестве материала исследования региональной литературы, а именно стихотворений новокузнецкого поэта Татьяны Николаевой (1956–2021). Т. Н. Николаева – член Союза писателей России с 2007 г.

Ее творчество представлено в собрании поэзии и прозы кузбасских авторов «Классика земли Кузнецкой» [Современная литература Кузбасса, 2022, с. 254–273]. Первые публикации стихотворений Татьяны Николаевны в кузбасских газетах относятся к ноябрю 1980 г. (6 ноября – «Комсомолец Кузбасса», 22 ноября – «Кузнецкий рабочий»), первая публикация в литературном альманахе приходится на 1981 г. (это «Огни Кузбасса», первая встреча с альманахом у юной поэтессы произошла в 1973 г.)¹. Т. Н. Николаева с 1980-х гг. являлась участником различных литературных объединений («Притомье», «Гренада», «А3», «Мастер-круг»), стала автором издательского проекта первого новокузнецкого литературного альманаха (2008 г.)².

В 2002 г. в Новокузнецке без указания издательства вышел сборник Т. Николаевой «Живи меня, Господи». Материалом для семантико-стилистического анализа стали стихотворения первого сборника – «Где ты, потомок первого?...: драматургия любви» (2004) (издательство галереи «Сибирское искусство») [Николаева, Башарина, 2004]³, явившегося результатом совместного творческого проекта поэта Татьяны Николаевой и художницы Елены Башариной: «Стихи и размышления-откровения поэта чередовались с прозрачной, невесомой графикой Елены Башариной»⁴. Сборник содержит стихотворения, написанные на протяжении нескольких десятилетий (начиная с конца 1970-х гг.) и позволяет судить о системных чертах идиостиля зрелого поэта.

Книга включает 5 глав: «Пусть греются у твоего огня», «Против течения», «След от плети», «Спаси тебя Господи», «Мне нужен взгляд в меня». Каждая глава имеет название и предваряется стихотворением-эпиграфом (оно выделено курсивом) и исповедальным эссе, своего рода введением в главу. Название главы и вводное эссе эксплицируют эмоционально-смысловую доминанту входящих в композиционную часть стихотворений. Отметим, что для Т. Николаевой очень важны заглавия (преобладают стихотворения с названиями). Заголовки, стихотворения-эпиграфы, вводные эссе – всё свидетельствует о концептуальной выстроенности сборника. Первым ключевым знаком авторской концепции является название сборника, эксплицирующее тему любви в ее драматическом звучании, образ Адама, который также появляется в эссе первой главы, и образ женщины, обращающейся к мужчине.

Методом сплошной выборки было выявлено 25 стихотворений сборника, содержащих флористические образы. Семантико-стилистический анализ контекстов, включающих 31 субстантивную номинацию растительного мира (8 из них встречаются неоднократно), был выполнен в соответствии с классической концепцией лингвистического толкования стихотворений Л. В. Щербы, который видел его основу в «разыскании тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов русского языка» и подчеркивал неизбежность субъективного начала в семантических наблюдениях над художественным текстом [Щерба, 1957,

¹ Киреева Т. Н. (сост.) Николаева (Соколова) Татьяна Николаевна // Имя в истории города. URL: <https://libnvkz.ru/chitatelnyam/o-novokuznetske/imya-v-istorii/nikolaeva-t-n?ysclid=m777g46ga8681294436> [Официальный сайт библиотеки им. Н. В. Гоголя] (дата обращения 15.02.2025).

² Киреева Т., Козлова О. Биография Татьяны Соколовой (Николаевой) // Современная литература Кузбасса // Классика земли Кузнецкой: В 3 т. / Сост.: Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. Т. 3. С. 268–273.

³ Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются страницы.

⁴ Киреева Т., Козлова О. Биография Татьяны Соколовой (Николаевой). С. 270.

с. 26–28]. Семантико-стилистический анализ показал, что растительный мир в поэзии Татьяны Николаевой велик и многообразен. В нем представлены как обобщенно номинированные растения и их части (деревья (например, «Осенняя гроза», «Молчание»), листья («Час ведьмы», «Небесная, незримая, живая...»), кроны («Дождь в ноябре», «Мне нужен взгляд в меня...»), ветви («Новорожденными губами...», «Я выклянчила это у небес...»), травы («Серая корова», «Перед грозой»)), так и конкретные виды растений («ушастый подорожник», мята, осока, земляника, герань, тополя, ракиты, яблоня, кедр, березы, клены). Образы растений встраиваются в художественный мир стихотворений, выполняя в нем различные функции.

Вопрос о функциях флористических образов в филологических исследованиях чаще рассматривается в комплексе с другими аспектами, но становится также и предметом специального рассмотрения. Так, В. А. Доманский дифференцирует информативную, психологическую, эстетическую и драматургическую функции, анализируя произведения И. С. Тургенева [Доманский, 2009]. Разграничение функций флористических образов представляется чрезвычайно сложным, поскольку они существуют синкретично. Условно обозначим три основные функции флористических образов в идиостиле Т. Н. Николаевой, учитывая эстетическую доминанту контекста: во-первых, роль пейзажной детали, формирование пейзажа как важной составляющей предметного уровня текста; во-вторых, психологическая функция, связанная с раскрытием эмотивных смыслов; в-третьих, функция экспликации антропоморфического символического значения. Данные функции выявлялись в соотнесении отобранных контекстов, включающих флористические образы, с художественным целым. Рассмотрим их последовательно, учитывая степень представленности в стихотворениях.

Самая очевидная функция образов растений в художественном тексте – роль **пейзажной детали**, формирование пейзажа. Данная функция прослеживается во многих стихотворениях Николаевой. Яркий пример – экспрессивный пейзаж в стихотворении «Осенняя гроза»: *Тридцатилетними плечами / Деревья сноп грозы качали: / То вскидывая к небу ветви, / То поклонясь порывам ветра, / Дождь подсекали, словно жницы* (с. 12). Лирическая героиня, выбегающая навстречу грозе, захвачена буйством стихии; многочисленные глаголы и деепричастия (*качали, подсекали, вскидывая, поклонясь*) создают динамическую картину – движение, бурлящая жизнь дождя и ветра. Наблюдается олицетворение природных образов – характерный прием Т. Николаевой: у деревьев есть «тридцатилетние плечи» (возможно, это намек на возраст героини, на пережитый ею обширный опыт; мотив женского опыта, женской мудрости, образ героини старше тридцати-сорока лет – смысловые центры лирики Николаевой), они сравниваются со жницами, «подсекающими» дождь. (Отметим, что образ женский: женщина и женственность в поэтическом мире Николаевой тесно связаны с природой, вплетены в нее, поэтому природные образы постоянно очеловечиваются, а человеческие приобретают природные черты.) Уподобление деревьев человеческому телу закрепляется в обороте «вскидывая ветви»; хотя прямое сравнение «ветви – руки» отсутствует, глагол «вскидывать» создает ассоциацию именно с человеческими руками. В грозе деревья будто вступают в незримый диалог с небом и ветром – то «кланяются» им, то бунтарски «вскидывают» навстречу руки-ветви. Образ деревьев роднит поэтический мир Т. Николаевой с лирикой почитаемого ею поэта – М. Цветаевой. Для поэтики Т. Николаевой важно влияние М. Цветаевой, которая становится мерилom истинного поэта: «Всё моё творчество – это, может быть,

только большая внутренняя подготовка к тому, чтобы хоть как-то, хоть боком, хоть кусочек, вместить Цветаеву» (с. 66). В сборнике мы встречаем формы единственного и множественного числа слова «дерево», старославянизм «древо». Чаще всего образ дерева конкретизируется номинациями «крона», «ветви», «листок» («листья», «листва»), также представлены гипонимы («тополь», «кедр», «береза», «ель», «яблоня», «клен», «ракита»), партитивные наименования («корни», «плод», «береста», «сережки», «почки»), слова, называющие массивы деревьев («лес», «роща») и создающие образы гибели деревьев («сухостой», «валежник»).

Так, в стихотворении «Осенняя гроза» пейзаж дополняют другие растительные детали: «листья осенний желтый глянec», а также лист, прилипший ко лбу героини (*Листок – пятак – на лоб – с размаху!*; экспрессивная конструкция с опущенными глаголами подчеркивает детский восторг героини перед грозой, ее яркие эмоции). Весь грозовой пейзаж метафорически уподобляется «языческому танцу» (мотивы язычества и языческих верований, образ ведьмы, источником магии которой является единство с природой, неоднократно сопровождают природные образы у Николаевой; ср. образ листвы в стихотворении «Час ведьмы» ниже), «празднику»; гроза и «танцующий» в ее вихре растительный мир выманивают героиню из дома – пространства покоя и безопасности (*Меня, сбежавшую из дома / На клич земли, воды и грома*).

Функцию пейзажной детали выполняет образ кедр (символа Сибири – родных краев автора) в философском стихотворении «Судьба»: *Почти прозрачна, крона кедр / Гудит от ветра и зари. // Ее пронзительные недра / Росой сияют изнутри* (с. 122). Удивительная яркость образа создается необычным ракурсом – взгляд героини направлен снизу вверх, она изучает кедр от корней и росы в траве до небес – «ветра и зари», рассматривает небо сквозь переплетение ветвей (отсюда эпитет «почти прозрачна», а также слова «недра» и «изнутри» – героиня смотрит на крону изнутри, созерцательно погружается в нее). Кедр становится не только частью пейзажа, но и одним из символических воплощений архетипа Мирового Древа – устремляясь ввысь, держит и сохраняет единство земного мира, частью которого является героиня. Отметим, что слово «крона» неоднократно встречается в стихотворениях Т. Никоновой, усиливая акцент на вертикальной организации художественного пространства.

Другой повторяющийся в стихотворениях Т. Никоновой флористический образ – травы, причем, несмотря на разнообразие номинаций (наиболее характерная – гипероним «травы», но представлены и гипонимы «осока», «подорожник»), отметим повторяющийся фитоним «мята». В стихотворении «Серая корова, или Дачный сезон в Корчите» предгрозового пейзаж формируют образы трав – в частности, уже упоминавшейся мяты. Предчувствуя грозу, в поле выходит одинокая корова; перед грозой в природе копится напряжение, замирание, переданное рядом ярких однородных эпитетов: *Травы сонные долу клонятся, / Сенокосные, нерезрелые* (с. 16). Глядя на корову и склонившиеся под ветром травы, героиня вновь отрывается от цивилизованного, окультуренного мира («Не читается книга умная») и отдается миру природному, языческому. Языческое слияние человека и природы достигает предела в последних строках: *Пусть хозяйюшка-шорка вечером / Сцедит свежесть грозы и мяты / В ведра звонкие струйкой млечной*. В контакт с природой вновь вступает женщина, наделенная ласковой номинацией «хозяйюшка»; при этом конкретизирована национальность женщины – шорка, т. е. коренная жительница сибирской земли, наделенная с ней особой внутренней связью. Дойка коровы – обыденный процесс, которым занята женщина, – становится

символом единства человека и природы: в традиционном сельскохозяйственном быту человек не наблюдает природу со стороны, а постоянно взаимодействует с ней, живет внутри нее как активный участник ее процессов. Молоко метафорически обозначено оборотом «свежесть грозы и мяты» – в нем будто заботливо сохранены дневные впечатления коровы. Чувственная характеристика «свежесть», характеризующая травы в целом и мяту в частности, – одна из центральных ассоциаций с растительным миром и природой в лирике Николаевой: образами растений регулярно сопутствуют ветер, гроза, дождь, пространство поля, мотивы свободы и простора.

В крупном стихотворении «Баллада о выходном дне» прослеживается противопоставление двух пространств – мира города (культуры, цивилизации, догм и ограничений) и мира природы (красоты, свободы, древней языческой гармонии). Героиня совершает обыденное действие – едет за город на электричке в выходной день; но эта поездка мифологизируется, поэтизируется, возвышается над обыденностью. Загородное пространство воплощает таинственную свободу и стихийность природы, и этому вновь сопутствуют образы растений: «утро <...> простое, как ушастый подорожник», «Устать и стать хотя бы на мгновенье / Слабей цветка» (с. 14). Простоту и чистоту утра на лоне природы воплощает подорожник – распространенное дикорастущее растение, часто считающееся сорняком, но при этом (как и мята, к образу которой постоянно обращается автор) обладающее целебными свойствами. День за городом своей тишиной и прохладой будто бы, как подорожник, лечит душевные раны героини, утомленной городской суетой – «сковородками площадей» и «возможностями угнаться»; отметим противопоставление жаркой духоты города и благодатной прохлады загородного пространства, выраженное в метафоре «сковородки площадей». Наедине с природой героиня ощущает себя «слабей цветка» – образ цветка символизирует красоту и хрупкость, от которой приходится отречься в городской жизни. Направляясь к озеру, героиня все больше и больше отдается растительному миру – его цветам, запахам, ощущениям: *И я вторгаюсь в мелкоцветье трав, / В тропический покой прибрежных тлений.* С миром растений связаны не только воздушная красота и чистота, но и тление – запах гнили; природа живет в циклах смерти и возрождения. Неожиданный эпитет «тропический» создает ряд чувственных ассоциаций – тепло, яркие цвета, соседство воды и растений; в эту картину вливается героиня, погружающаяся в воду, переходящая из одного мира в другой.

Вторая важная функция растительного мира в поэзии Николаевой – **психологическая**: образы растений выражают психологическое состояние, эмоции и чувства героини. В большей или меньшей степени эту функцию можно усмотреть в любом стихотворении Николаевой, поскольку ее поэзия является лирической, направленной в первую очередь на переживания лирического субъекта. Так, например, в «Молчании» заснеженный пейзаж отражает скорбь героини по сыну, березы после дождя в «Уже было» – ее печаль и раскаяние, осенняя гроза в одноименном стихотворении – ее радость и восторг среди разгулявшейся стихии. Однако к этой категории мы отнесем стихи, в которых психологическая функция является доминирующей, оттесняя на второй план описательно-пейзажную функцию и олицетворение. Психологизм связан с творческим кредо Т. Николаевой, утверждающей исповедальность как отличительную черту своих стихотворений: «Что такое стихи? Наверное, некая проекция моего существа, упреждающая сознание и сами события в потоке действительности. <...> стихотворение, воплощаясь во мне вдохновением, и через меня – в слове, само становится переживанием

не менее реальным, чем события жизни со всеми реальными последствиями» (с. 7). Установка на отражение в поэтическом тексте движений женской души является частью замысла сборника: «“Драматургия любви” – это <...> вопиющий факт каждой женской души, воплощённой в жизнь...» (с. 6).

Примером данной функции является первое стихотворение сборника – «Новорожденными губами...» Лирический сюжет – прогулка героини с возлюбленным, полная трепета и тихой задумчивости. Настроение формируют романтические природные детали: луна, озеро, комета; в ночной пейзаж вписывается и растительный мир: «шепчу: дорога... ель... луна...» (с. 5). Ель в ночи – мрачно-сказочный образ, вызывающий ассоциации с фольклором и балладами Жуковского; сопровождая любовный сюжет, она будто становится его безмолвной поверенной. Еще более отчетливо психологическое состояние героини отражено в образном сравнении: «Руки твоей, как ветви рая, / коснусь...» Ветвь рая (возможно, лавровая ветвь, в христианстве символизирующая вечную жизнь и пришествие Христа) – не реальный, а мифологически-религиозный образ, но все же растение; прикасаясь к руке возлюбленного, героиня обретает покой и счастье, будто прикасаясь к раю. Метафорическое соотнесение «руки – ветви» есть во многих стихах («Осенняя гроза», «Не нужна? И слава Богу!», «Я выклянчила это у небес...»); однако здесь в этом соотнесении просматривается не только диалог человека и природы, но и диалог человека, природы и духовного мира, мира небес, их онтологическое единство.

В стихотворении «Зеркало» героиня сама эксплицирует свои переживания: «печаль» и «усталость»; она вновь устремляется к природе – озеру, чтобы, увидев в нем свое отражение, утвердить единство с природой и обрести покой. С пейзажем озера связан и растительный мир: *Туда, где травы в рост / Над озером застыли* (с. 20). Собирательный образ трав, рассмотренный нами выше в других текстах Николаевой, всегда связан у нее с дикостью, свежестью, покоем и свободой природы; здесь травы не просто обильны, они «застыли в рост», величаво стоят, высокие и несокрушимые, отвоевав природное пространство у человека и цивилизации (ср. их позицию внизу, под ногами, в «Перед грозой»: *И запах трав стелился подо мной...*). Близость растительного мира к воде, водоему – устойчивая черта в лирике Николаевой; например, в «Балладе о выходном дне» героиня тоже обретает душевный покой, пройдя через заросли трав и деревьев и погрузившись в воду.

В стихотворении «Час ведьмы» образ растительного мира связан с ролевым образом ведьмы, который примеряет на себя героиня. Выстраивается метафорическая параллель: осенние листья готовятся к сожжению – так же, как возлюбленный героини готовится к встрече с нею: *В предвкушении огня / Лист осенний льнет к ограде. // Ты не бойся, Бога ради, / Предвкушения меня* (с. 27). Третий компонент этой параллели, открывающийся в финале стихотворения, – костер, к которому приговорена сама героиня: *Что от счастья сердце сжалось / В предвкушении костра?* Человеческие эмоции (скорбь, печаль, тревога, страх, неопределенность и шаткость союза человека и ведьмы) напрямую уподобляются образу растительного мира – сожженным листьям. Любовь в лирике Николаевой часто разрушительна и трагична, связана с мотивами огня, сожжения, жертвенного самосожжения (горящий сухостой в «Любимому», образ возлюбленного как «источника живого огня» в стихотворении «Люблю!», к которому мы обратимся далее). Если себя лирическая героиня регулярно соотносит с деревом или иным порождением леса, то возлюбленного – с огнем или ветром; соответственно,

в образе огня возлюбленный и чувство к нему действуют на нее разрушительно, а в образе ветра – он улетает от нее прочь (как в «Не нужна? И слава Богу!»). «Драматургия любви», заявленная в подзаголовке сборника, метафорически оборачивается драматургией природных процессов.

Эмоциональную и экзистенциальную проблематику имеет стихотворение «Ты пришел», где героиня вновь соотносит себя с деревом, метафорически «превращается» в него: *Как старое дерево на погосте – / Судьба моя в полинялом платье* (с. 108). Отмечая, что герой «пришел некстати», героиня будто бы сетует на приближающуюся старость, душевную усталость, невзрачный облик своей исстрадавшейся души (образ полинялого платья). Образ растительного мира – дерево – не имеет реального пейзажного воплощения и абсолютно метафоричен, автопсихологичен (редкость для лирики Николаевой, наполненной земными, чувственными образами; схожий случай из данного сборника – разве что «ветвь рая» в «Новорожденными губами...»). Дерево, в соответствии с самоощущением героини, наделяется эпитетом «старое» и локализуется «на погосте», что тоже нетипично для поэзии автора: в большинстве рассмотренных выше стихотворений растения, в частности деревья, связаны с природой и жизнью, а не со смертью. Однако дерево, в образе которого метафорически заключена судьба героини, находится между двумя мирами – на погосте присутствуют как смерть, так и жизнь (память живых людей об усопших, их скорбь, молитвы, забота о могилах). Под сенью дерева на кладбище – традиционный романтический образ, ассоциирующийся с созерцательным покоем, смирением перед ходом времени, вечным концептом *memento mori*, – подводятся итоги жизни, продолжается вечный цикл, происходит переход из жизни земной, физической, в жизнь духовную; не случайно дерево у Николаевой не впервые становится символом судьбы (вспомним кедр в одноименном стихотворении).

На протяжении всего текста продолжают параллели «я – дерево» и «моя судьба – дерево». На глазах у героини свершилось столько «событий, смертей, одиноких будней», что радость героя уже не трогает ее – как приходы и уходы новых и новых людей не трогают старое дерево, пережившее много столетий; образ дерева в мифологии, фольклоре, искусстве устойчиво соотносится с древностью, жизнью более долгой, чем человеческая (дуб в «Войне и мире» Толстого, деревья на кладбище в финале «Отцов и детей» Тургенева и т. д.). Роль, избираемая героиней в разговоре, тоже подобна роли безмолвного дерева, молча и величаво внимающего исповедям людей: *Я буду видеть тебя и слушать <...> Ты говоришь, а я внемлю, внемлю...* В финальной строфе описана структура дерева, ассоциативно напоминающая структуру человеческого тела – как в «Не нужна? И слава Богу!», хоть и без эксплицированного момента превращения: ветви и листья – руки, ствол – тело, корни – ноги (*Роняют ветви росу на землю, / А под землей цепенеют корни*). Возвращаясь к образу «корневой неволи», героиня вновь утверждает свою нерушимую, онтологическую связь с землей (это усиливает повтор слова «земля» в двух соседних строках); и здесь ее корни «цепенеют», т. е. уже переходят в мир смерти, духовный, потусторонний мир, который холоднее и таинственнее живого. Образ росы вызывает ощущения влаги, свежести и прохлады – ассоциации, постоянно сопутствующие растительному миру у Николаевой (ср. упоминания росы в «Судьбе», «Люблю!»). Финальная автохарактеристика героини – «заката тише, травы покорней» – неожиданно низводит ее из образа дерева в образ травы – чего-то еще более простого, земного, «тихого» (обыгрывается идиома «тише воды, ниже травы»); трава в стихах Николаевой – природное

укрытие, покорное и принимающее: в «Люблю!» героиня прячется в траве, как таежная птица, в «Зеркале» ее окружают «травы в рост». Мотив смирения и принятия хода времени, старости, смерти становится центральным в стихотворении и выражается в образах дерева и травы.

Третья значимая функция образов растений в поэзии Николаевой – уже упоминавшееся **олицетворение**: мир человека и мир природы в ее стихах поразительно близки, и растения – один из «посредников» их прямого контакта. Единство человека и природы подчеркнуто и в лирической прозе Т. Николаевой, когда она, глядя на реку Абу, ищет ее лицо и воспринимает себя как реку, когда признаётся в любви к раздавленному вороненку: «Воронёнок, я всё равно тебя люблю, глубоко люблю, и ты живёшь во мне: косишься, взлетаешь, каркаешь вслед... Знаю, что и мной – раздавленной – действительность тоже перед кем-то потрясёт, угрожая. А в это время мы с тобой в райском дворике будем сидеть на веточке и беседовать на равных» (с. 121).

Наиболее ярко мотив слияния человека и растения (а именно дерева) прослеживается в стихотворении «Не нужна? И слава Богу!»: *Мне, как древу в чистом поле, / В кронах прятать свисты птах, / В корневой своей неволе – / Боль, и ветер – на устах <...> Я же с мятой и осокой / Из земли произросла* (с. 79). Героиня, отвергнутая возлюбленным, отправляет его прочь – беспринутно скитаться по небу, как «ясного сокола», и, противопоставляя себя ему, подчеркивает свою связь с природой и землей. Здесь эта связь доводится до предела – героиня не просто наблюдает за деревьями, «общается» или «танцует» с ними, но сама становится деревом, превращается в часть растительного мира. Метафорический образ «корневой неволи» (отметим яркую напевную звукопись: «нево – нево») выражает «приращенность» героини к земле, их нерушимую связь; именно в корнях героиня «прячет» боль, утверждая свою свободу от прошлого, переживая скорбь и отказываясь от нее. На «устах» героиня чувствует ветер – ее губы, таким образом, «врастают» в крону дерева, ветви и листья. Она «произросла» из земли «с мятой и осокой» – конкретно номинированные травы дополняют чувственную картину, подобную образу нимфы-дриады. Как и в «Байке о диве», мята становится своеобразным символом природы вообще, земного мира, противопоставленного небу; как и в «Серой корове», образ мяты создает чувственную ассоциацию – свежесть, сопутствующую растительному миру. Это стихотворение наиболее показательно воплощает мифологизированное, наполненное языческими мотивами и персонификацией восприятие растений в творчестве автора.

Персонификация растительного мира наблюдается в стихотворении «Я выклянчила это у небес...», где героиня вновь утверждает свое родство с природой, стремясь к лесу: *Всю жизнь я льнула к лесу <...> // И лес меня, как друга, привечал, / И длинные лучи в ветвях качал* (с. 99). Героиня становится «другом» леса – и этот статус (здесь эксплицированный) можно отнести к ней во всех лирических стихотворениях Николаевой, касающихся природы. Взгляд героини направлен снизу вверх, по сравнению с лесом она ощущает себя хрупкой, крошечной, нуждающейся в защите (это выражает глагол «льнула») – и лес берет на себя защитную роль, подобно кедру в «Судьбе», под кроной которого укрывается героиня, или раkitам и валежнику в «Прости меня!», дающим приют испуганной сбежавшей собаке. Тем не менее, более глобальный, собирательный образ не деревьев и травы, не конкретный вид растения, а лес целиком, объемлющий собой весь растительный мир, который вносит в эту защиту коннотации покровительства, отцовства: лес не просто вступал в диалог с героиней – «привечал» ее и «качал»

лучи в ветвях (ассоциативный ряд заставляет представить героиню ребенком, порождением леса, а лес – отцом, баюкающим дочь, или древним языческим божеством, приветчающим человека). Также отметим, что растительный мир вновь связан с образом дождя и ощущением свежести: покидая лес, героиня «просила на прощанье» дождя.

В стихотворении «Плаха», посвященном теме смерти, героиня вновь соотносит себя – и любого человека, к которому в обобщенно-личной форме обращается «ты», – с природой, растительным миром: *И выдохни с любовью: / Это я – / Раздавленное тело / муравья, / И клейким цветом / брызнувшие почки / На тополях, / заждавшихся весны* (с. 136). В момент смерти вся жизнь человека будто собирается в одну точку, подводится итог; уходя, человек не исчезает, а растворяется в бытии, становится един и с жизнью природы (почки на тополях), и с ее смертью (раздавленный муравей). Такая картина соотносится скорее с языческим или пантеистическим, чем с христианским или рационально-научным пониманием смерти, но отлично вписывается в образ лирической героини, последовательно выдержанный в стихах Николаевой. Почки, набухшие на тополях – символ весны, возрождения, юности, новой жизни; смерть, таким образом, становится не концом, а лишь новым витком вечного цикла. Если в «В реликтовой роще» тополя символизируют связь с родной землей, здесь им сопутствует философская, экзистенциальная проблематика.

Если сравнить флористические образы Т. Николаевой и ее любимого поэта, то обнаруживаются различия: из всего растительного мира М. Цветаева выбирает как центральные образы деревьев и куста, воплощением ее лирической героини становится образ рябины [Эпштейн, 2007, с. 285–286; Пушкарева, 2000]; у Т. Николаевой мы не обнаруживаем подобной сосредоточенности на отдельных флористических образах – они многообразны, образ лирической героини не воплощается последовательно в одном из них, героиня Т. Николаевой находит в себе многие из них и себя – в мире природы. Доминантой поэтической картины мира становится идея неразрывной связи человека и природы, которая имеет фольклорные истоки, а в конце XX в. сопрягается с экологической проблематикой («экологический» этап натурфилософии русской поэзии [Эпштейн, 2007, с. 33–35]).

Образы растений встречаются в 25 стихотворениях из сборника «Где ты, потомок первого?..»: драматургия любви». Центральными флористическими образами у Т. Николаевой становятся деревья и травы. В сборнике мы встречаем формы единственного и множественного числа слова «дерево», старославянизм «древо». Чаще всего образ дерева конкретизируется номинациями «крона», «ветви», «листок» («листья», «листва»), также представлены гипонимы («тополь», «кедр», «береза», «ель», «яблоня», «клен»), партитивные наименования («корни», «плод», «береста», «сережки», «почки»), слова, называющие массивы деревьев («лес», «роща») и создающие образы гибели деревьев («сухостой», «валежник»). Травы представлены не только гиперонимом, который наиболее характерен для стихотворений, но также и гипонимами «мята», «осока», «подорожник».

Из 25 стихотворений в 12 доминирующей является функция пейзажной детали (описательная); в 8 – психологическая функция: образы растений отражают психологическое состояние, эмоции героини, в том числе любовные сюжеты; в 5 – разные вариации олицетворения (персонификации) растений, выражающие родство человека и природы либо их слияние.

Растительный мир занимает важное место в творческом мире Николаевой, связан с рядом смыслообразующих тем, образов, сюжетов и мотивов. Среди них мо-

тив близости, диалога человека и природы (в частности, устойчивое соотнесение человека с деревом и иными объектами растительного мира); особенности хронотопа (дом и лес / поле, город и природа); тема любви и мотив разрушительной, жертвенной любви; тема смерти, мотивы скорби, принятия смерти, памяти; образ родных краев, мотив связи с родной землей; мотивы одиночества, экзистенциального поиска себя; тема творчества.

Список литературы

- Борzych Л. А.* Поэма С. А. Есенин «Пугачёв»: художественная функция растительных образов // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 12 (104). С. 239–243.
- Доманский В. А.* Флористический код любовных коллизий прозы И. С. Тургенева // Спасский вестник. 2009. № 16. С. 43–50.
- Комиссарова А. А.* «И роскошь цветников, где проступает тленье...» (Символика флористических образов в поэзии И. Анненского) // Русский язык в школе. 2011. № 4. С. 54–59.
- Налегач Н. В.* Образы цветов в поэтическом мире И. Анненского // Studia Litterarum. 2017. Т. 2, № 2. С. 212–227.
- Никитина Е. М.* Художественные функции флористических образов в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века: Сб. ст. / Науч. ред. А. Б. Удодов. Воронеж, 2023. Вып. 26. С. 33–38.
- Пушкарева И. А.* Об ассоциативно-смысловом поле слова-образа «рябина» в лирике М. И. Цветаевой // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте: Науч. тр. кафедры современного русского языка и стилистики ТГПУ. Томск: УНТИ, 2000. С. 35–52.
- Современная литература Кузбасса // Классика земли Кузнецкой: В 3 т. / Сост.: Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. Т. 3. 594 с.
- Сухова К. И.* Фитонимический код в лирике В. А. Солоухина (на примере цветочных растений) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). С. 76–83.
- Темаева Х. Н.* Своеобразие цветочной семантики поэзии Беллы Ахмадулиной и Новеллы Матвеевой // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 94, № 5. С. 99–103.
- Тропкина Н. Е., Сурьянинова У. А.* Художественная семантика флористических образов в лирике Б. Ахмадулиной: соотношение рационального и эмоционального // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2018. № 1 (54). С. 78–81.
- Ширина С. А., Гремячих Е. А.* Особенности создания флористических образов в лирике И. А. Бунина // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 154–157.
- Щерба Л. В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. “Воспоминание” А. С. Пушкина // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44.
- Эпштейн М. Н.* Стихи и стихии. Природа в русской поэзии XVIII–XX вв. Самара: Бахрах-М, 2007. 352 с.

Список источников

Николаева Т., Башарина Е. «Где ты, потомок первого?»: драматургия любви. Новокузнецк: Галерея «Сибирское искусство», 2004. 144 с.

References

Borzykh L. A. Poema S. A. Esenin “Pugachev”: khudozhestvennaya funktsiya rastitel'nykh obrazov [The poem “Pugachev” by Sergey Esenin: artistic function of floral images]. *Tomsk State University Journal*. 2011, iss. 12 (104), pp. 239–243.

Domanskiy V. A. Floristicheskii kod lyubovnykh kolliziy prozy I. S. Turgeneva [Floral code of love collisions in the prose by I. S. Turgenev]. *Spasskiy vestnik*. 2009, no. 16, pp. 43–50.

Epshcheyn M. N. *Stikhi i stikhii. Priroda v russkoy poezii 18–20 vv* [Verses and elements. Nature in the Russian poetry of the 19th and 20th centuries]. Samara, Bakhrakh-M, 2007, 352 p.

Komissarova A. A. “I roskosh’ tsvetnikov, gde prostupaet tlen’e...” (Simvolika floristicheskikh obrazov v poezii I. Annenskogo) [And the splendor of flower gardens where decay is visible... (Symbolic meanings of floral images in the poetry by I. Annensky)]. *Russian Language at School*. 2011, no. 4, pp. 54–59.

Nalegach N. V. Obrazy tsvetov v poeticheskom mire I. Annenskogo [Images of flowers in the poetic world of I. Annensky]. *Studia Litterarum*. 2017, vol. 2, no. 2, pp. 212–227.

Nikitina E. M. Khudozhestvennye funktsii floristicheskikh obrazov v romane M. A. Sholokhova “Tikhii Don” [Artistic functions of floral images in the novel “And Quiet Flows the Don” by Mikhail Sholokhov]. In: *Vestnik nauchno-prakticheskoy laboratorii po izucheniyu literaturnogo protsessa 20 veka: sbornik statey* [Bulletin of Literary Process of the 20th Century Research Laboratory: collection of articles]. Udodov A. B. (Ed.). Voronezh, VSPU, 2023, iss. XXVI, pp. 33–38.

Pushkareva I. A. Ob assotsiativno-smyslovom pole slova-obraza “ryabina” v lirike M. I. Tsvetaevoy [Associative and semantic field of the word-image “rowan” in the poetry by Marina Tsvetaeva]. In: *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty slova v khudozhestvennom tekste: Nauch. tr. kafedry sovremennogo russkogo yazyka i stilistiki TGPU* [Communicative and pragmatic aspects of the word in a literary text: scientific works of the Department of Russian Language and Stylistics, TSPU]. Tomsk, UNTI, 2000, pp. 35–52.

Shcherba L. V. Opyty lingvisticheskogo tolkovaniya stikhotvoreniy. I. “Vospominanie” A. S. Pushkina [Experiments in linguistic interpretation of poems. I. “Memories” by A. S. Pushkin]. In: Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on Russian language]. Moscow, Uchpedgiz, 1957, pp. 26–44.

Shirina S. A., Gremyachikh E. A. Osobennosti sozdaniya floristicheskikh obrazov v lirike I. A. Bunina [Characteristics of floral images in the poetry by I. A. Bunin]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2010, no. 3, pp. 154–157.

Sovremennaya literatura Kuzbassa [Modern literature of Kuzbass]. In: *Klassika zemli Kuznetskoy: V 3 t.* [Classics of Kuznetsk: In 3 vols.]. B. V. Burmistrov, S. L. Donbay, G. I. Karpova (Comps.). Kemerovo, Kuzbassskiy tsentr iskusstv, 2022, vol. 3, 594 p.

Sukhova K. I. Fitonimicheskii kod v lirike V. A. Soloukhina (na primere tsvetichnykh rasteniy) [Phytonymic code in the poetry by V. A. Soloukhin (using the

example of flowers)]. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 2022, no. 4 (47), pp. 76–83.

Temaeva Kh. N. Svoeobrazie tsvetochnoy semantiki poezii Belly Akhmadulinoy i Novelly Matveevoy [Semantics of flowers in the poetry by Bella Akhmadulina and Novella Matveeva]. *Humanities and social sciences*. 2022, vol. 94, no. 5, pp. 99–103.

Tropkina N. E., Sur'yaninova U. A. Khudozhestvennaya semantika floristicheskikh obrazov v lirike B. Akhmadulinoy: sootnoshenie ratsional'nogo i emotsional'nogo [Artistic semantics of floral images in the poetry by Bella Akhmadulina: the correlation between the rational and emotional]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal VGSPU "Grani poznaniya."* 2018, no. 1 (54), pp. 78–81.

List of sources

Nikolaeva T., Basharina E. "Gde ty, potomok pervogo?..": *dramaturgiya lyubvi* ["Where are you, the descendant of the first?...: the drama of love]. Novokuznetsk, Galereya "Sibirskoe iskusstvo," 2004, 144 p.

Информация об авторах

Ирина Алексеевна Пушкарева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия)
Scopus Author ID 57196727270
SPIN 6918-1060

Юлия Евгеньевна Пушкарева, кандидат филологических наук, преподаватель факультета среднего профессионального образования Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург, Россия)
Scopus Author ID 57225222482
SPIN 6127-5479

Information about the authors

Irina A. Pushkareva, Doctor of Philology, Professor, Russian Language and Literature Department, Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogy, Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57196727270
SPIN 6918-1060

Yulia E. Pushkareva, Candidate of Philology, Lecturer, Faculty of Secondary Vocational Education, Northwestern Management Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)
Scopus Author ID 57225222482
SPIN 6127-5479

Статья поступила в редакцию 12.03.2025;

одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted on 12.03.2025;

approved after reviewing on 20.05.2025; accepted for publication on 20.05.2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4